

Александр ДЕГТЯРЕВ:

«Никогда не боялся хулиганов и больницы»

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Так уж случилось, что главный врач больницы имени Соловьева Александр Александрович Дегтярев не любит день своего рождения. Вот доведись ему выбирать, он бы и не праздновал его ни за что и никогда, тем паче, что тостов и здравниц в свою честь Александр Александрович тоже терпеть не может. Но тем не менее у тысяч спасенных им пациентов, которым главный травматолог города Дегтярев вернул ни с чем не сравнимую радость движения, есть достойный повод вновь сказать своему врачу добрые слова. 1 января Александру Александровичу Дегтяреву исполняется шестьдесят лет.

ОТ ТЮРЬМЫ ДА ОТ СУМЫ...

Фамилия Дегтяревы имеет прямые корни: дед занимался перегонкой дегтя. Это был, как теперь говорят, семейный бизнес, поскольку в нем принимали участие все родственники, а дед был за старшего. На этом основании в лихолетье революционных перемен его признали крупным заводчиком и выслали со всей семьей за Урал. Отец впоследствии рассказывал Александру Александровичу, что из их деревни, из Тверской губернии, было выслано в Верхотурье Свердловской области ни много ни мало 118 семей. Сплавливали их по реке на сколоченных наспех плотах, а вдоль берегов ехали казаки и никому не давали пристать... Семья деду оказалась в числе чудом выживших: из ста восемнадцати повезло лишь десяти семьям.

— И отец мой однажды не угодил властям, отсидел по 58-й статье, — рассказывает Александр Александрович. — За что? Принес на октябрьскую демонстрацию фотоаппарат девочек снимать. А староста потока тут как тут: почему это ты с фотоаппаратом, когда на собрании предупреждали о бдительности: на параде должны показывать новую военную технику? А вечером стук в дверь: ты Дегтярев? Я... Год лагерей не сделал отца антисоветчиком, он был законопослушным гражданином, но этим происшествием был напуган на всю жизнь.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

Самые первые воспоминания о детстве у маленького Шурика Дегтярева связаны с охотой. Отец, заядлый охотник, взял с собой трехлетнего сына на вальдшнепную тягу.

— До сих пор перед глазами стоит эта картина: вечерняя зорька, почти стемнело, но летящего вальдшнепа видно хорошо. Отец стреляет, и раненая птица начинает планировать. Я азартно ношусь за ней по кустам, и только окрик отца «глаза береги!» меня приводит в чувство: клюв-то у вальдшнепа о-го-го какой.

Почему детская память бережно и подробно хранит какие-то незначительные осколки воспоминаний и категорически отказывается в грифе «хранить вечно» другим, наверняка не менее ценным пластам ушедшей жизни? Бог весть. Пусть психоаналитики устанавливают эти причинно-следственные связи. Но вот детская память Шурика Дегтярева молниеносной вспышкой выхватывает из темени забвения чем-то привлекавший мальчишеское внимание неожиданный свеженасыпанный холм земли посреди лесной дороги. Лошадь пала, объясняет отец, тут же у дороги ее и закопали.

Другой проблиск воспоминаний...

— Я стою у дерева и держусь за прислоненное к нему отцовское ружье. Почему-то все первые осознания собственного существования свя-

заны у меня именно с охотой... Отец куда-то отошел. И вдруг раздается шуршание сухого сена... Вам доводилось слышать этот звук? Этот шорох у меня прямо в ушах стоит.

...Охотой маленький Шурик Дегтярев заболел раз и навсегда. Первое ружье отец торжественно преподнес сыну на его десятый день рождения. (Несмотря на то, что праздновать в семье Дегтяревых чьи бы то ни было дни рождения было не принято, без подарков Шурик никогда не оставался: отец да-

фото Вячеслава ЮРАСОВА

Шурику Дегтяреву (справа) — 1 год.

рил сыну подарки основательные и нужные — охотничью куртку или сапоги, фотоаппарат, ружье, снаряжение...

— Помню, в год моего десятилетия мы отправились на охоту в Гаютино. Дорогу туда проложили только в 85-м, а тогда это была самая настоящая Тмутаракань: добирались сначала до Рыбинска на машине, потом пересаживались на паром, который назывался «Клязьма»... Красивый был речной трамвайчик, отделан слоновой костью. Говорили, что это был личный паромод самого Геринга... Так вот, на этой «Клязьме» шлепали уже до самого Гаютино. Рыбинское море затопили не так давно, и некоторые деревья стояли в воде еще зеленые, сухостоя практически не видно. На водной глади четко были видны бывшие лесные просеки. Ветер подует, и лодку так и несет вдоль просеки... Рыбы было много и уток — не счесть. Но, что интересно, главным в этих поездках была не столько охота, сколько посиделки у костерка, мужские разговоры «за жизнь»... Однако

первой страстью в моей жизни стала отнюдь не охота, а рыбалка. У меня от этого увлечения все карманы в куртке были гнилыми...

— То есть?!

— А улов куда прикажете складывать? Вот по карманам мы, мальчишки, рыбу и рассовывали.

— И велика ли была та рыба?

— А то! С ладонь! — Александр Александрович внимательно рассмотрел свою внушительную ладонь и поправился, — нет, с мою детскую ладошку, пожалуй.

КОНСЕРВЫ ПО СЛОГАМ

В школу Шурик Дегтярев пошел в шесть лет. Сам он полагал, что подготовился к этому серьезному этапу в своей жизни со всей ответственностью. Выучил с помощью соседа Бориса Львовича алфавит. А вот в слова знакомые буквы как-то складываться не спешили. Покажет, к примеру, Борис Львович банку, Шурик читает надпись на ней: «с...т...а...в...р...и...»

— Ну и что получается? — топот его учитель.

— Консервы, — независимо заявляет Шурик.

Учился он с охотой, за все десять лет учебы ни одного урока не прогулял. А вот призвания к общественной работе не чувствовал никогда.

— С детства не люблю всю эту заорганизованность, я, как птица, нуждаюсь в свободном полете. Маршировать в ногу, петь хором — терпеть не могу. Рядовым октябренок, пионером, конечно, был, но воспринимал это как неизбежную повинность, ни в каких структурных подразделениях — кто там был — старосты? звеньевые? — не состоял и не участвовал.

Но своих школьных учителей Александр Александрович Дегтярев до сих пор вспоминает добрым словом.

ВОТ ТАК СНЯЛ ШМАЗЫ

Шурик Дегтярев был физически очень сильным мальчиком. Может, потому и старался обходить конфликты, находить компромиссное решение. Однако удавалось это не всегда...

— А что было поводом для драки?

— Наверное, обостренное чувство справедливости. Я ведь себе чуть жизнь не искалечил, отстаивая эту справедливость... Мне лет четырнадцать было. Стояли мы с девчонками, болтали. Вдруг подваливает к нам один уголовник по прозвищу Киса, он только что из тюрьмы вышел, и начинает задирать девчонок. Отойди, прошу его по-хорошему, мы же тебя не трогаем... Куда там! Шас шмазь, говорит, сниму, и тянет пятерню к моему лицу... Модно тогда было так говорить: «шмазь сниму». Ну я ему и «снял»: двинул под подбородок, он неудачно упал и сломал основание черепа. Чудом выжил. С тех пор я старался больше никогда не драться.

— Что, и не хулиганили никогда?

— Кто вам сказал?! Лазили по огородам — это святое. Был у меня приятель Сашка Горский. У них был роскошный сад. Самое смешное, что мы с Сашкой к нему в сад тайком от его родных и лазали. Хотя, по сути, кто бы нам в чем отказал? На свалках пропадали, поджигали что-то...

— Вас наказывали?

— Отец был очень мягкий человек, даже голоса никогда не повысил. А мать, случалось, была ссора на расправу, порола меня. Уж не помню, что та-

кого ужасного я совершил, но запомнилось, что, спасаясь от матери с ремнем, я не только заперся в комнате, но и спрятался под кроватью. Наверное, было за что.

КАРЬЕРА ВРАЧА НАЧАЛАСЬ С ОБМОРОКА

Нельзя сказать, что о медицине будущий главный врач крупнейшей больницы области грезил с детства. Но, поскольку появился на свет в семье профессиональных врачей — мать была фельдшером, отец — хирургом, занимал должность главврача сначала Великосельской больницы, потом был переведен в Тутаев, — уважение к этой профессии испытывал всегда. Мечтал же стать летчиком, как старший брат. Потом, увлекшись физикой, хотел связать свою жизнь с наукой и даже поступал на физический факультет в МГУ, но не прошел по конкурсу.

— Что же повлияло на ваш выбор профессии?

— Я видел труд отца. И это был очень благодарный труд... не с точки зрения зарплаты, врачам государство всегда недоплачивало, но моральный стимул был очень велик.

— Неужели даже в детстве не боялись больницы?

— Нисколько не боялся. Во-первых, это было местом работы моих родителей, а во-вторых, я рос очень здоровым ребенком и практически не болел. Помню только, что когда я учился в третьем классе, отец меня прооперировал — удалил аппендикс. А по поводу страхов... Однажды — я был уже студентом первого курса Ярославского медицинского института — отец попросил меня помочь ему на операции: привезли больного, раненого ножом в подколенную область. Я согласился, тем более что помощь требовалась небольшая: поддержать крючки. Но когда я подошел к операционному столу и увидел фонтанирующую кровь, в глазах у меня потемнело... и меня вывели. Но это был единственный случай за всю мою дальнейшую медицинскую практику, с третьего курса я уже часто ассистировал отцу.

...В 2005 году главный врач больницы имени Соловьева Александр Александрович Дегтярев был удостоен премии лучшим врачом России «Признание» в номинации «Специальная премия Первого канала». А это, согласитесь, говорит о многом...

Лариса ДРАЧ.